

Ликовали на Почае! В било медное били!
И великих Богов на пиру не забыли:
...Грозному Перуну-громобою
быка за рога сволокли гурьбою!
Дажбогу — владыке дневного неба—
поднесли каравай аржаного хлеба!..
Ветровею-Стрибогу
решето муки натрясли на дорогу!
Рубахе-парню Яриле —
пива-меда котел наварили!
Душе-девице Заре-Зарянице
С поклоном подали воды из криницы!

Виктор Максимов
«Это было на Почай-реке»

Глава 1

Загадка Киевского Пятибожия и ученые

Уникальное свидетельство. Первые попытки осмысления.
«Реформа Владимира»? Киевский Пантеон? Книжная химера?
Открытие киевских археологов. Предположение Рыбакова.
Вопросов все еще больше, чем ответов.

Ни в какой части науки так ярко не высказывался дух систем и априоризма, как в разысканиях о древнейших формах веры. Всякий видел в них то, что ему хотелось найти, от самого грубого фетишизма до самой возвышенной философии. Страсть так легко обманывает людей, что невозможно означить предел, на котором ошибка систематика перестает быть невольною.

А.С. Хомяков, «Семирамида.
История человечества»

Начнем, читатель, со знакомства с главными героями моей книги.

«И нача княжити Володимерь в Киев... единъ, и постави кумиры на холму вн... двора теремнаго: Перуна

древяна, а главу его сребрену, а усь златъ, и Хърса Даждьбога, и Стрибога, и Семарьгла, и Мокошь. И жряху имъ, наричюще я боги»...

Так говорит «Повесть Временных лет» под 6488 годом от сотворения мира, по нашему летоисчислению — 980. Через три года вокруг этого самого капища произойдет до крайности странная история: сын некоего крещенного в Византии варяга Феодора Иоанн примет участие в выборе по жребию жертв Перуну после удачного похода на ятвягов. Поскольку даже христианские писатели не берутся утверждать, что к этой жутковатой лотерее киевляне кого-то принуждали насильно, мотивы юного христианина не ясны мне совершенно. Юношеская тяга к риску, к экстриму, как сейчас принято выражаться, выиграла, что ли? Выиграет — что называется, «по закону подлости». Бросится искать убежища на отцовском дворе. Оскорбленные киевляне явятся туда за ним — и услышат от отца горе-экстремала оскорбления в адрес своих Богов. И Феодор, и его сын будут убиты разъяренной толпой. Еще через пять лет князь, возведший святилище и чтивший его человеческими жертвами, предаст древних Богов и прикажет разрушить возведенное им восемь лет назад святилище. Но пока пять Богов высятся за оградой теремного двора киевских князей.

Это свидетельство летописи по-настоящему неповторимо. Ни в ней, ни где-либо в других русских источниках мы более не находим описания святилищ наших Языческих предков. Более того — в русской средневековой книжности мы нечасто встретим и сами упоминания Языческих Богов. Собственно, в летописи, кроме этого места, они упоминаются разве что в договорах Языческой Руси с Византией (точнее, один из них, Пе-

рун), то бишь в цитате из другого документа. Более того, в почти единственном жанре средневековой русской литературы, кроме летописи, который упоминает «кумиры» язычников, в жанре, в котором без них просто не обойтись — в поучениях против язычников и двоеверцев — списки Богов явно отдают «списыванием» с летописного перечня кумиров, возведенных будущим крестителем Руси. Судите сами, читатель:

«Слово об идолах»: *Перун, Хорс, Макошь* и Вилы (в виду, конечно же, имеется не сельхозинвентарь, а крылатые девы, своего рода воздушные русалки, культ которых прожил значительно дольше у южных (сербы, болгары) и западных (чехи, моравы) славян. Под слегка измененными именами они попали в либретто балета «Жизель» (виллисы) и... одного из романов о Гарри Поттере (вейлы). В ином месте того же «Слова об идолах» — *Перун, Хорс, Макошь, Переплут, Род и Рожаницы*.

«Слово христоролюбца»: *Перун, Хорс, Макошь* и Вилы, *Симаргл, Род* и Рожаницы.

«Слово Иоанна Златоуста»: *Перен, Хурс, Макошь*. В ином месте — *Стрибог, Дажьбог, Переплут*.

И уж конечно, влияние этого перечня заметно там, где и рассказывают про Владимира — в его житии («и изби вся идолы: Перуна, Хърса, Дажьбога, Мокошь и прочая все идолы»), в «Памяти и похвале» Иакова Мниха («поганьскы Боги, паче же и бесы, Перуна и Хърса, и ины многы попра»).

Слово сказано — «бесы». Именно в этом причина поразительной сдержанности рассказывающих о Язычестве книжников, чаще всего — людей церковных. Для средневековых христиан Боги их Языческих предков —

и немалою числа современников — отнюдь не были какими-нибудь безобидными «литературными образами» или «олицетворением явлений природы». «Боги языцей — бесы!» возглашает верховный авторитет христиан, считающееся вдохновенным самим Господом Священное писание. И Ветхий Завет, и Новый вполне единодушны в этом вопросе (Втор, 32, 16—17, Пс. 105, 37, Коринф, 10, 20). А потому — «Не вспоминайте имени богов их» (Ис. Нав. 23, 7) и «не помяну их имен устами моими» (Пс. 15, 4). Что ж, по-своему разумно — ведь до сих пор говорят: «Помяни черта — и он явится».

Еще в XVII веке безымянный автор Густынской летописи и создатель «Слова об идолах Владимировых», окрестившийся в православие прусский выходец И. Гизель сочли совершенно необходимым подчеркнуть, что описываемые ими Боги — «бесы», «пекельные» — т.е. адские Боги. Авторы сразу заявили, что говорят об этом «бесовском отродье» не как о достойных воспоминания, но ради доказательства «дьявольской» и «безумной» природы Язычества.

Вот как долго христианские авторы обставляли извинениями и «идеологическими» экивоками всякое упоминание о Языческих Божествах¹!

Надо сказать, суровое отношение к их упоминанию — даже чисто литературному — церковь сохрани-

¹ На фоне такого отношения бросается в глаза «Слово о полку Игореве», спокойно упоминающее Языческих «бесов», но ни разу не упомянувшее Христа, святых, «православную христианскую веру». Впрочем, этот вопрос слишком обширен и слишком далеко уведет нас от нашей темы.

ла до «просвещенного» XVIII столетия включительно¹. В 1786 году архиепископ Платон объявил «сомнительными и могущими послужить к разным вольным мудрствованиям» романы о Языческой Руси Василия Левшина, бывшего своего рода предтечѣй нынешнего «славянского фэнтэзи» и вдохновившего Пушкина на поэму «Руслан и Людмила». И если сегодня даже, в начале XXI века, иеромонах Василий Уткин пишет «под именем Перуна и Святовита поклоняется он (язычник — **О.В.**) реальным духовным силам ада», то можно себе представить, насколько серьезнее все было в Средние века!

Поэтому ясно, отчего авторы поучений против Язычества и двоеверия век за веком повторяли и цитировали приведенный в летописи список «бесов». Этим как бы отводили от себя гнев Христов — а кто-то и их устрашающее внимание. Ведь это же не они называли Перуна, Хорса «и иных многих» — это автор летописи! И грех вроде бы меньше. Ведь не сами ж — за святым Нестором повторяем!

Впрочем, через полтысячи лет после написания «Повести» и через три столетия после того, как отгорели огни последних погребальных костров и жертвенников

¹ Любопытной иллюстрацией к воззрению христиан на Языческих Богов служит книга «Религия москвитов», вышедшая в Лейпциге еще в 1717 году. На содержащейся в ней гравюре Боги капища 980 года — Перун, Мокошь, Стрибог, Хорс и другие — изображены с собачьими и кошачьими мордами, копытами, рогами, длинными ушами и прочими чертами нечисти. От этой книги счел необходимым предостеречь своих читателей еще Андрей Кайсаров в «Славянской и российской мифологии» в 1804 году, однако историк (!) А.А. Бычков считает возможным сослаться на эту карикатуру еще в начале XXI столетия.

русских язычников, страх перед «бесами» поутих, напротив, пробуждался интерес к вере пращуров. Возникло желание узнать про них побольше — а спрос, как известно, рождает предложение. И список начали расширять, что называется, правдами и неправдами. К перечню Богов на киевском холме присоединяли то имена Богов и Богинь, по всей видимости действительно почитавшихся славянами, но в списке «Повести» не значившихся — Велеса, Ладу, Лелю, то названия Языческих праздников — Купала, Коляда¹.

Доходило до совершенных недоразумений: иноземец Гербенштейн, австрийский дипломат XVI века, прочел — и записал в своем сочинении — летописное «ушь златъ» как «Услад» — и «бог» с таким именем на долгие годы водворился в книгах по религии славян, да и сейчас еще обретается в любительских «Словарях славянской мифологии» и сочинениях иных «неоязычников». Был еще один путь «умножения» киевских Божеств — непонятные по древности имена начинали «толковать» в меру своих способностей. Особенно «повезло» бедному Семарьглу², которого еще в XIV веке разложили на «Сема» и «Ерьгла» (Сима и Регла, Сима и Рыла и т.д.). Под пером польских толкователей он превратился в «Зимерзлу» («богиню» зимы — от слова «замерзнуть», конечно), «Зимцерлу» («богиню» зари — очевидно, от слова «мерцать») и «Зимстерлу»

¹ Впрочем, такая постановка вопроса — Языческий Бог или олицетворение праздника — не совсем осмысленна. У язычников бывают Божества, «отвечавшие» за тот или иной отрезок времени — римский Ватикан, скажем, или русские Полудницы, можно также вспомнить святую Пятницу и святую Середу «народного православия». Однако нам важнее, что летопись таких «кумиров» на киевском холме не упоминала.

² Я настаиваю на именно таком написании этого имени, причины чего подробно разъясню при рассмотрении образа этого Божества.

(«богиню» весны — «зиму стирающую»). Чуть меньше досталось Хорсу, «превращавшемуся» в «Корса», по созвучию со словом «корец» — ковш — обращенного позднейшими книжниками в эдакого «русского Бахуса», и в «Хворста» — «бога болезней». Особенно хорошо, что в иных изданиях по Язычеству обретаются разом и Семарьгл, и «Зимцерла» с «Зимерзлой», и Хорс, и «Корс», и «Хворст»!

Очень заметно, что все эти измышления шли большей частью от модного тогда представления о «жизнерадостном» Язычестве — «розовом вине и ляжкам нимф среди цветов», как ядовито замечал валиец Артур Мэйчен в статье «Язычество». Отсюда и старательные поиски «славянского Диониса» в лице «усладов» и «корсов», и размножение всевозможных «богинь».

Обсуждая облик Перуна, позднейшие книжники также проявили немало фантазии. Так, поляк Стрыйковский в XVI веке переделал «золотые усы» Перуна, уже превращавшиеся в отдельное «божество», в «золотые уши» и, может быть, по примеру известных ему идолов литовского громовика Перкуна¹ наделил киевский кумир железными ногами, «громовым камнем» в руке, глазами-рубинами. Поэт XVIII столетия, масон Херасков, в

¹ В XIX веке в городе Вильно (современном Вильнюсе) при ремонте дома богатого купца XV века выстучали в стене гулкое пустое пространство. Естественной, первой мыслью нашедших было «Клад!». Однако на самом деле это оказалась потайная молезна, единственным ценным предметом в которой был золотой кумир Перкуна на алтаре. Видимо, купец, вынужденный притворяться католиком, не желал забывать Богов Пращуров. Причем дом этот, названный впоследствии «домом Перкуна», стоял через дорогу от собора святой Анны! Во время Первой мировой войны идол, к тому времени, конечно, прописавшийся в музей, был эвакуирован в Петроград. Однако из всех составов, шедших в это время в восточном направлении по густонаселенной, тесной Литве, именно этот загадочно и необъяснимо пропал — а вскоре людям стало не до древних кумиров, пусть и трижды золотых. Цел ли сейчас золотой Громовержец и где находится — неизвестно.

своей «Владимириаде» воспевший крестителя Руси и, понятное дело, ругательски изругавший Язычество, счел золотые усы скучными и неинтересными и снабдил описанный им кумир Громовержца золотыми... рогами: «Златые на челе имел велики роги». Как видим, даже масоны-просветители, в трогательном единодушии с православными монахами, видели в Русских Богах «бесов рогатых».

Примерно тогда же расцвело буйным цветом обыкновение объяснять славянских Богов — прежде всего именно из «киевского перечня» — через знакомые «всякому образованному человеку» того времени мифы Эллады и Рима. Началось еще со средневековых западнославянских авторов. Из тех же соображений, что и их русские коллеги и современники, они опасались воспроизводить подлинные славянские имена Богов. Только они нашли другой выход из щекотливого положения. Вместо того чтоб отмалчиваться или повторять чужие слова, западнославянские авторы подменили «опасные» имена античными (видно, античные «бесы»-Олимпийцы, уже много столетий как «повергнутые» крестом, считались менее опасными¹). Козьма Пражский «заставляет» чешских язычников, своих предков, упоминать Марса, Юпитера, Беллону и «зятя Цереры». Латинскими и греческими именами поясняет славянских Богов «Хроника нотариуса короля Белы», словарь «Mater verborum» («Матерь слов») в XIII веке.

Во времена Возрождения традицию продолжили из

¹ Но и они вполне безопасными не считались. Еще прабабка автора этих строк ругалась: «Подь ты к Ефесту!» Отчего именно кузнец античного Олимпа так не глянулся прабабушке, что она направляла к нему всех, кем была недовольна — непонятно, а у нее уже не спросишь.

иных соображений — славянское Язычество, особенно в высших слоях общества, среди людей, читавших и писавших книги, прочно отошло в прошлое. Польский пан, современник Длугоша, Меховского, Стрыйковского, Перуна уже вряд ли знал, зато Юпитера — отлично. Его крепостные, правда, в это самое время чувствовали Перуна и Дажьдбога жертвами и песнями, но не станет же ясновельможный шляхтич, наипаче — образованный, обращать внимание на темные суеверия грязных хлопов!¹

Поневоле вспоминается случай с некоей интеллигентной дамой, зашедшей в конце 1970-х — начале 1980-х в церковь. Батюшка, заметив, как она вглядывается в купольный образ Христа, подошел к ней — и был наповал сражен простодушным вопросом: «А это у вас там кто — Зевс?»

Некоторые вещи не меняются...

Мода таким образом комментировать славянскую мифологию просуществовала многие века, дожив до конца XVIII столетия, когда ей отдали дань и неприметный Левшин, и титан Ломоносов («Сей богом грома и молний почитавшийся Перун был Зевс древних наших предков», «древнее многобожие в России, сходствовав-

¹ Впрочем, в Западной Белоруссии был один случай, когда, можно сказать, шляхтич впрямую столкнулся с Языческим Богом — некий пан Норкун приехал в Перунов день плетью гнать своих хлопов, чувствовавших Громовержца, на барщину. Немедленно появилась грозная туча, вскоре затмившая все небо. Пан со словами: «Ты Перун, я — Норкун!», выстрелил в тучу из ружья (!) (Судя по этой детали, дело было не ранее XVII века.) В ответ ударила молния, конь шляхтича-богоборца был убит на месте, а всадник — парализован. Поправившись, очень впечатленный этим случаем пан не только перестал препятствовать чувствованию Громовержца, но и заповедал своим потомкам блюсти его день. Предание было записано в конце 1970-х годов от 80-летнего старца, еще заставшего этот праздник. Коня, однако же, жалко.

шее с греческим и римским» и т.д.). Первый издатель «Слова о полку Игореве» в сноске к имени Стрибога поименовал его «славенским Эолом» еще в 1800 году. Особенно увлекались такого рода сопоставлениями авторы всевозможных «Абевег славянских суеверий» и «Славянских и российских мифологий», в конце XVIII — начале XIX столетия, в духе модного энциклопедизма, обобщавшие скудные сведения о славянских Богах и духах, как правило, в алфавитном порядке. Чулков, современник Левшина и его соперник в праве называться дедушкой славянского фэнтези, писал про «Полеля», который есть «славенский Гименей, сын Ладин», и про волотов — «сии страшилища были великаны и значили у славян то же, что у греков Гиганты». Еще один их общий современник и конкурент Попов величал Хорса «Славянским Эскулапом». Андрей Кайсаров, в начале следующего столетия, сравнивал русалок с нимфами и наядами, леших — с сатирами, Леля называл Купидоном. Можно сказать, что это была первая ласточка сравнительной мифологии, самые первые, младенческие шаги подхода, которому в грядущем предстояло «вырасти» в солидный научный метод. В равной мере и сопричтение к киевскому перечню Лады, Лели, Купалы и прочих были первыми попытками выстроить стройную картину славянского Язычества и привлечь для этого материалы этнографии — эти задачи впоследствии также будут решать многие ученые. Однако к героям нашей книги — Богам, чьи кумиры были возведены на киевском холме за восемь лет до крещения, — все это имело довольно слабое отношение.

Надо отметить Михайлу Васильевича Ломоносова. Титан русской науки и здесь оказался на высоте — он едва ли не первым со времен Возрождения не стал при-

украшивать на свой вкус перечень киевских кумиров «Усладами» и «Колядами». Он же, описывая Перуна, не стал, в отличие от иных авторов, снабжать его «золотыми ушами» или «золотыми рогами», а добросовестно повторил летописное описание. В теории о значении Божеств киевского святилища Михайло Васильевич вдаваться не стал, а только отметил, что летописец-де ничего об этом не говорит, просто перечисляя имена.

И для исследователей всей русской истории, и для исследователей русского Язычества тема возведенного Владимиром святилища казалась... слишком проходной, что ли. Рассматривались более глобальные, объемные вопросы: летописные варяги — скандинавы это или славяне? Какие из летописей достоверны, какие — нет? Мифологи выстраивали величественные картины битвы Громовника с его врагом — «воплощением тучи» — за сокровища или красавицу — «воплощение Солнца», разрабатывали неисчерпаемую золотую жилу славянского фольклора.

Однако некоторое внимание киевским Богам уделяли. Как-то исподволь установилось мнение, что устроенное Владимиром святилище было его же, Владимира, собственной выдумкой. Так и пошло — «Владимировы боги», «Владимиров пантеон». Часто добавляли, что Владимир уже тогда видел неприспособленность Русского Язычества для государства (как будто не было до и после Владимира Языческих держав — Египта, Ассирии, Эллады, Рима, Золотой Орды, Китая, Японии и многих, многих других), вот и пытался его «реформировать», «упорядочить» — что своего порядка в «этой стране», конечно, не было и не могло быть, «образованной публике» уже тогда было «совершенно ясно». Как писал А.К. Толстой, пародируя официальные «Истории

государства Российского», «Страна у нас богата, порядка только нет».

П.М. Строев еще в 1815 году высказал мысль, что в числе тех Божеств, кумиры коих были возведены Владимиром, славянскими были только Перун, Стрибог и Дажьбог. Мокошь, Семарьгла и отделенного от Дажьбога Хорса он считал Богами неславянских племен. «Владимир..., кажется, сделал только то, что почитаемых разными Славянскими, Финскими племенами (может быть, также и Варягами) богов собрал в одно место и, так сказать, объявил их общими целого Государства и его покровителями. Самая здравая Политика не могла бы приискать ничего лучшего для совершеннейшего и неразрывного соединения разных народов, составлявших тогда Владимирово Государство, как дать им общую религию, составив ее из почитания всех тех божеств, кои порознь у каждого или, по крайней мере, у главнейших из них находились...». Итак, по мысли Строева, Владимир собрал воедино Божества всех племен своей державы из политических соображений (когда позднее ученые-атеисты стали объяснять чисто политическими соображениями крещение «святого» Владимира, православные очень обижались... как говорится, «а настало за что?»). Точно так же когда-то поступил правитель Римской империи Адриан, во втором веке воздвигший в своей столице гигантское здание, под куполом которого объединил статуи всех наиболее почитаемых Богов своей страны — тут нашлось место и Олимпийцам эллинов, и азиаткам Астарте и Кибеле, и египетским Исиде и Осирису. Здание так и назвали — Пантеон, от греческих слов «Пан» — все, и «тео» — Бог. Пантеон — Всебожье. Так и повелось величать кумиров пяти Богов «киевским Пантеоном» или «Пантеоном Владимира». То же истолкование давали ему большинство ученых (по-

следним с такой идеей выступил Игорь Яковлевич Фроянов). Не могли разве что договориться о том, кто из Богов какой народ должен представлять: Хорса считали хазарским (И.Е. Забелин), полоцким (А.Н. Робинсон, очевидно, оттого, что полоцкий князь Всеслав в «Слове о полку Игореве» «перерыскивает» путь великому Хорсу) и даже иранским и торкским (хотя к 980 году никаких иранских племен, вроде скифов или сарматов, давно уже не было у русских границ, а торки-огузы, дальние родичи туркмен и азербайджанцев, наоборот, подошли к этим границам почти через век после крещения Руси). Мокошь большинство исследователей дружно относили к «финским» Божествам (еще одна ученая мода, и ныне не угасшая — выискивать в остатках славянского Язычества финское влияние). Очевидно, от имени мордовского племени мокша — других оснований производству киевской Богини в финны я не вижу. Семарьгл побывал и невнятным «богом степных народов» (Е.В. Аничков), и иранским Божеством. Не избежали печальной участи и те Боги, коих Строев отнес к безусловно славянским — так, Перуна подозревали в том, что он-де «замаскированный» скандинавский Громовержец Тор: надо же как-то объяснить, что в русском Язычестве нет и тени пресловутых «норманнских» варягов и «скандинавских» русов! Это воззрение воплотилось даже в поэзии: в стихотворении Александра Кондратьева «Перун — Велесу» Громовержец горделиво заявляет:

Нет, я не брат тебе, о Волос, бог скотов,
 Бог племени рабов, покорно гнущих выи,
 Варяжских витязей дружины боевые
 Меня к вам принесли от дальних берегов...

И чтобы не было неясности, про каких именно варягов идет речь, добавляет:

Для викингов-князей я тот же древний Тор.

Другие ученые видели в нем литовского Бога (того же Перкуна). Вытащили даже албанское (!) не то божество, не то просто слово «перынди» или «перенди». А.Н. Робинсон определил Стрибога совершенно изумительным образом: это, оказывается... «славяно-половецкое Божество». С какой стороны этот Бог с насквозь славянским именем оказался причастен к степнякам-половцам, предкам татар, казахов и алтайцев, лично я, читатель, постичь не в силах. Что до Дажьдбога, то самые рьяные сторонники «теории заимствований» не сумели отыскать на него какого-нибудь компромата. Чересчур уж прозрачным было славянское звучание его имени. Словно бы в отместку, его почитание постарались сузить до неприличия — Дажьдбог оказывался то киевским Божеством (все тот же Аничков), то черниговско-северским (польский исследователь Хенрик Ловьямянский).

Если Вас, читатель, изумит этот странный аукцион, на котором славянские ученые словно старались побыстрее сбить на сторону Богов своих предков, я охотно объясню, в чем дело. Дело во времени. Вторая половина девятнадцатого столетия и первая половина столетия двадцатого были временем величайшей смуты в умах — смуты, которая с неизбежностью выплеснулась в 1917 году на просторы реальной России и залила их кровавым потоком. Со смертью государя-рыцаря, железного императора Николая Павловича, умы русского общества охватило брожение, вылившееся в два основных направления: западничество и славянофильство. Западники, либералы-прогрессисты, не находили ничего хорошего в прошлом России, наблюдая там одну дикость и отсталость. Во имя прогресса России следовало, по мнению этих господ, как можно скорее отказаться от всех «пе-

режитков прошлого» и как можно больше подражать таким светочам прогресса, как Англия и Франция. Славянофилы-почвенники, напротив, смотрели на западные народы, как на чужаков, и видели спасение России в возвращении к православным ценностям и объединении под знаменем этих ценностей всех славян, коим надлежало (исключительно по мнению славянофилов, сами славяне, особенно поляки, относились к этим проектам без всякого энтузиазма) слиться в единой братской семье под сенью православного креста и скипетра русских царей — вкупе с «братскими» инородцами Сибирской тайги, Кавказских гор, болот Карелии и Поволжья, кочевников степей и тундр. Казалось бы, ничего общего у этих течений быть не могло — однако не все было так просто. Много позже один из этих людей сравнил их споры с образом византийского орла, герба империи: «Головы смотрели в разные стороны, но сердце билось об одном». Вот уж воистину... как только доходило до дела, яростно спорившие «мыслители» оказывались полностью единодушны. Это проявилось, скажем, в изумительных по бессмысленности балканских войнах. Русских парней-рекрутов из нищих, лапотных, завшивленных, неграмотных русских деревень отправляли погибать за сытых усатых «братушек» из чистеньких благополучных домов под добротной черепичной кровлей, не торопившихся не то что погибать за «славянско-православное братство» или «во имя торжества прогресса над османским мракобесием», но даже и делить щедро намазанную коровьим маслом кукурузную лепешку с полуголодным русским солдатиком. И, однако, ни западники, ни славянофилы своего протеста не выказали. Одних устраивало то, что солдаты «отсталой» России гибнут во

имя интересов «прогрессивных» Франции и Англии. Других — все то же «братство», до которого никому, кроме них, дела не было — ни сербским князьям, проигрывавшим друг дружке в карты пожертвования русских добровольцев. Ни бугаям-болгарам, прятавшим зерно от русских фуражиров и рассыпавшимся по подвалам и кукурузным полям при первом появлении на горизонте турецких войск. Ни матери какого-нибудь Прошки или Федьки, разорванного бомбой или поднятого на турецкие штыки за тридевять земель от родной избенки под соломенной крышей.

Столь же трогательное единение «непримиримые оппоненты» выказывали, портя отношения России с ее единственным надежным союзником в Европе и, кстати, наиболее близким родичем славян по крови — немцами. Короче говоря, сравнивший западников-прогрессистов и славянофилов с двухголовым византийским мутантом был насквозь прав. А замечательный русский поэт А.К. Толстой высказался по этому поводу и вовсе исчерпывающим образом:

Идут славянофилы и нигилисты,
 У тех и у других ногти нечисты,
 Ибо, хотя они не сходятся в теории вероятности,
 Но сходятся в неопрятности.
 И оттого нет ничего слюнявее и плюгавее
 Русского безбожия и православия¹.

¹ Разумеется, все сказанное никак не обозначает, что в обоих лагерях собрались дураки и негодяи. Нет, конечно же — в том и трагедия, что обе, порочные по содержанию и антирусские по воплощению, идеи поддерживали очень часто неглупые, талантливые и очень порядочные люди, хотевшие только добра... Многие из них раскаивались. Потом.

В отношении русских Богов из выстроенного Владимиром капища оба лагеря проявляли то же трогательное единение. Западники в очередной раз рады были показать, что ничего своего «в этой стране» отродясь не бывало, и даже Языческих истуканов-де русские завозили из-за границы. Что до славянофилов, то тем очень хотелось доказать, что хорошие славяне, в отличие от ужасных тевтонов, никогда не были язычниками, не ставили кумиров, не приносили жертв. Эти кроткие, милые люди просто были созданы для православия. То есть я хочу сказать — того сказочного, лубочного, прянично-сусального православия, что, как и всеславянское братство, существовало лишь в мозгу славянофилов, не имевшего ничего общего с реальным историческим византийским православием, с его пытками и казнями, и жуткой практикой поголовной продажи в рабство сел, где приносили жертвы Языческим Богам или хотя бы клялись Их именами. «Когда вспоминаешь, как крестился русский народ — заливался слезами славянофил Аксаков — невольно умиляешься душою. Русский народ крестился легко и без борьбы, как младенец». На самом деле и летописи («Добрыня крестил огнем, а Путята — мечом»), и жития святых, и народные предания рисуют картину совершенно иную. А археология одним страшным штрихом ставит точку в дискуссии — двадцать девять процентов поселений конца десятого столетия, исследованных археологами, не пережило крещения Руси. ТРЕТЬ сел и городов были уничтожены крестителями или оставлены бежавшими от насильственного крещения людьми. Археологических данных во времена Аксакова еще не было, но были и летописи, и жития, и предания уже записывались, но — увы. Славянофилы, как и их «оппо-

ненты», были достойными представителями российской интеллигенции с ее извечным принципом: если факты противоречат теории — тем хуже для фактов. Поэтому славянофилы охотно поддержали идею, что кумиров для своего капища Владимир приискал где-то на стороне, а потому-де и расстался с ними народ «легко».

В конце XIX столетия такой взгляд на Богов возведенного Владимиром капища стал едва ли не общепринятым (а уж излагался его сторонниками именно как общепринятый, безо всяких «едва ли»). Профессор Корш сурово заявлял, что-де «теперь не может быть и речи» о славянском происхождении этих Богов (даже Громовержец Перун, как мы видели, не избежал общей печальной участи). Да и, заявляли сторонники теории заимствований, достаточно посмотреть на деревенский фольклор — нигде не упоминаются Перун, Дажьдбог, Стрибог, Мокошь и Семарьгл, только русалки, домовые и лешие. А значит, Боги, поставленные Владимиром «у двора теремного» — искусственное, «от ума», собрание недолговечных, по большей части заимствованных, не оставивших в народной памяти никакого следа идолов.

Это рассуждение — не забытое и по сей день — отмечено двумя чертами, общими для всех построений тех ученых, что любят величать себя «рационалистами» и «объективными». Оно, во-первых, неверно логически, а во-вторых, опирается на ложное утверждение. Ведь и шведская, скажем, деревня конца позапрошлого — начала прошлого столетия помнить не помнила Одина, Локи, Тора и прочее население Асгарда, зато хорошо помнила и почитала альвов-эльфов и троллей, лесных дев скульдр и никс-водяниц, да домовых-кобольдов. Однако что-то не слышно, чтоб кто-то из шведских ученых делал на этом основании далеко идущие выводы

о заимствовании Тора или Одина у лопарей¹ или, скажем, шотландских горцев, о поддельности Старшей и Младшей Эдды, или что знаменитое капище в Упсале было попыткой какого-нибудь конунга «реформировать примитивный культ» скандинавов.

Может, все оттого, что у скандинавов нет интеллигенции?

Во-вторых, фольклорные записи с упоминанием Перуна, Даждьбога, Стрибога, Мокоши именно ЕСТЬ — мы подробно рассмотрим их там, где будем знакомиться с Богами, стоявшими на киевском холме. И даже с загадочным и труднопроизносимым Семарьглом все не так уж, как увидим, безнадежно.

Так что, как говаривал один персонаж Михаила Афанасьевича Булгакова — поздравляем вас, господа, соврамши.

Уже упоминавшийся Аничков отличался любопытными воззрениями на развитие Языческих религий — по его мнению, Боги язычников возникали из домашних кумирчиков, поэтому общенародным мог стать только Бог семьи, вставшей во главе народа. То есть не могло быть не то что общеславянских, но даже и общерусских Божеств, и даже Перун был-де всего лишь родовым и дружинным Божеством «киевских Игоревичей». Ничего подобного нельзя было сказать ни про эллинское Язы-

¹ Самое любопытное, что в данном случае для подобных построений есть некоторые основания. Действительно, у лопарей-саамов есть божество-громовик Айеке-Тиермес, символом и оружием которого является молот — как и у Тора. Аналогичное божество Укко-Таара (Туури, Тоори) есть у прибалтийских финнов. Вот только почему-то никто из скандинавских ученых не сомневается, что это саамы и финны заимствовали у их предков Ека-Тора, Тора-на-Колеснице, а не наоборот.

чество, ни про Язычество скандинавское — зато построения Аничкова находились в полном соответствии с модными теориями об «эволюции общества» и «истории религии», а стало быть, «образованной публикой» принимались на «ура». Тем паче что на построениях громких Аничковым мифологов лежала ужасная тень подозрения в самом страшном для российского образованца грехе — ПАТРИОТИЗМЕ! Уж сам-то Евгений Васильевич был от такого подозрения совершенно свободен. «Особенно убого было Язычество Руси, жалки ея боги, грубы культ и нравы — разливался соловьем эволюционист. — Не поэтически смотрела Русь на природу, и не воссоздавало воображение никакой широкозадуманной религиозной метафизики». Доводы господина Аничкова были «простыми, как мычание» — мол, по описаниям греков и арабов, жизнь славян была грязна, жалка и убога — куда уж этим нищим дикарям до развитой мифологии! И вновь перед нами ложная логика, основанная к тому же на откровенном вранье. Во-первых, что ж с того, если жители богатого Востока и находили бы быт славян убогим и грязным? Про быт норманнов в Хедебю араб Ибрагим ат Тартуши высказался жутче некуда — тут и грязь, и вонь, и гниющие на улицах коровьи туши, и пение, похожее на вой зверей, и младенцы, которых вынуждены топить с голоду их же нищие родители. Однако все перечисленное не помешало быть ни двум Эддам с их роскошной мифологией, ни блистательному капищу Упсалы. Быт самих арабов, когда пророк Мухаммед создавал ислам, не назовешь ни особенно богатым, ни слишком чистым — обычный быт кочевников с их одеялами из верблюжьей шерсти, кишачными верблюжьими же клещами, палатками, замотан-

ными до глаз женщинами — и твердой верой в то, что «смывая грязь — смываешь удачу». Вся разница с Хедобю — «лишних» детей, которыми в Аравии, как правило, оказывались девочки, не топили (негде было), а зарывали в песок. Заживо, вниз головой, в кувшине. Рецидивы людоедства отмечены у арабов уже после принятия ислама. Все, что придало хоть какой-то лоск арабской цивилизации, прославленные «арабскими» (зачастую заимствованными у персов) сказками пышные одеяния, дворцы, драгоценную утварь, арабы буквально награбили в Персии и Византии уже после рождения ислама. А что до описаний теми же греками и римлянами быта и обычаев носителей «суперпередовой» религии иудаизма, то я, читатель, с вашего разрешения, воздержусь от их цитирования. Ибо в противном случае рискую немедленно быть обвиненным в антисемитизме. Отсылаю читателя к книге автора, во-первых, уже давно покойного, а во-вторых, вряд ли могущего быть заподозренным в неприязни к евреям. Речь про работу «Антисемитизм в Древнем мире» почтеннейшего Соломона Лурье. Там цитируются Марциал, Тацит и Марк Аврелий, и многие другие прославленные мужи античности, и про грязь и убожество ими сказано немало — но к славянам это не относится.

Но ко всему прочему господа прогрессисты-реалисты-объективисты опять-таки врут. Ибо никаких описаний исключительных «бедности и убожества» быта славян у иноземцев мы не найдем. Западные монахи взахлеб расписывали богатейшие, чистые, уютные, сытые города язычников-славян (и нищие, грязные, убогие городки своих единоверцев, датчан). Как описывали датчан арабы, мы уже помним, а вот когда речь заходит о

русах, то арабский путешественник и дипломат Ахмед ибн Фадлан говорит об обычае прибавлять бусину на ожерелье женщины с каждым десятком тысяч серебряных монет в капитале ее мужа. Ибн Фадлан утверждает, что на шеях многих русских женщин эти ожерелья висели в несколько рядов. Он же пишет, что трон «царя русов» был украшен драгоценными камнями и кораллами, а простые купцы унижали руки и ноги золотыми обручами, застегивали кафтаны золотыми пуговицами и носили шапки с парчовым верхом. Другой араб, Абу-л-Хасан Али аль Масуди, описывает славянский храм в таких выражениях: «У них есть еще иной дом на горе, которую окружает залив моря¹, (дом), сооруженный из камней красного мрамора и камней зеленого изумруда. В середине его огромный купол, а под ним идол, части тела которого (сделаны) из четырех сортов драгоценного камня: зеленого хризолита, красного карбункула, желтого корналина и белого хрусталя (берилла), а голова его из червонного золота». «Бедность и убожество», говорите, господа историки? Описания славянских храмов аль Масуди, конечно, откровенно сказочные — чего стоит истукан Божества из четырех пород драгоценных камней. Но дыма без огня не бывает — про «грязные, нищие и убогие» племена таких сказок не рассказывают. Так что представление о нищете, грязи и убожестве славян, которое Аничков пытается обосновать ссылками на иноземных авторов, — это на деле его собственная фантазия, его представление о собственных предках.

Не премину отметить — сей «объективный» муж,

¹ Считается, что здесь в искаженном виде описывается святилище Аркона на острове Рюген в Балтийском море.

будучи откровенным марксистом, вел в Российской империи сытую и благополучную жизнь, занимая профессорские кафедры в столичных университетах. В то время как подвижник изучения и собирания русского фольклора, А.Н. Афанасьев, на чьи «Поэтические воззрения славян на природу» так смачно плюнул в приведенной цитате господин Аничков, был изгнан с работы за издание «кощунственных» легенд и умер в нищете. Империя и церковь *сами* растили и холили своих могильщиков, и *сами* хоронили лучших сынов Русской нации. Кстати, сам Аничков, когда через три года после издания им труда «Язычество и древняя Русь» (1914) накликаемый им и ему подобными молох «прогресса» выполз с книжных страниц в реальный мир и принялся хрустеть миллионами человеческих жизней, отчего-то не захотел участвовать в процессе «эволюции общества» и сбежал в благополучную Великобританию. Там он пристроился читать лекции в Оксфорде, где его построения о «жалком и убогом» Язычестве Руси наверняка нашли благодарных слушателей.

Российская интеллигенция... не тонет-с.

Сейчас построения Аничкова оказались полностью несостоятельными. Ученые говорят не только об общеславянском, но и об общеиндоевропейском пантеоне. Найдены бесчисленные свидетельства о почитании Перуна, Даждбога, Хорса, Стрибога, Макоши далеко за пределами Руси, вскрыты индоевропейские истоки их культа (насколько древнего, можно судить хотя бы по тому обстоятельству, что святыней Перуна был... КАМЕННЫЙ топор). Так что прав-то оказался Афанасьев и его единомышленники... но до сих пор в кругах «образованной публики» считается дурным тоном цити-

ровать «мифологов», зато с великим пиететом переиздают марксиста Аничкова. И можно встретить в солидных ученых трудах аничковские рассуждения о том, что у славян-де не было и не могло быть единой веры и общих Богов — ведь не было же единого государства!

Про таких исследователей хочется сказать словами анекдота советских времен: «Чукча не читатель, чукча писатель». Перед тем как создавать такие трактаты, неплохо прочесть хоть что-нибудь, хоть в школьную программу входящие сведения об едином пантеоне эллинов, до Александра Македонского не имевших общего государства. Или о единой религии Индии, которая стала одним государством очень и очень поздно, едва ли не после британского завоевания. Или про общих Богов тех же скандинавов, так за всю историю в одном государстве и не объединившихся.

Надо сказать, что представления о «сборном» характере киевского капища имеют хождение по сию пору. Например, их повторяет И.Я. Фроянов. А вслед за профессионалами подхватывают ее дилетанты. Так, прославленный возведением хазарской рабыни Малки, матери крестителя Владимира, в «древлянские княжны» и дочери князя Мала, киевский краевед Анатолий Маркович Членов с пресерьезным видом распределяет Богов по землям Руси в соответствии-де с их (земель) политическим местом в «федерации». Перун, конечно, оказывается киевским и полянским, Дажьбог — древлянским (по мысли Членова, «Дажьбожий внук» из «Слова о полку Игореве» это никто иной, как Владимир Креститель, по его версии — внук Мала Древлянского). И уж совсем трудно становится угнаться за полетом фантазии Анатолия Марковича, когда краевед

«распределяет» Хорса — в Новгород, Стрибога — в Полоцк, Семарьгла — в болотистую землю дреговичей, а Мокошь, попутно объявленную им «Русской Афродитой» (вернулись времена Левшина и Ломоносова?) определяет в «небесные княгини Смоленской земли».

Возвращаясь ко второй половине XIX века, надо заметить, что «теория заимствований» была еще не самым большим достижением ученой «объективности». Были исследователи — кстати, и сейчас не утратившие последователей, особенно их идеи отчего-то популярны в Польше — так вот, были исследователи, которые и вообще не верили в существование «Киевского пантеона». По их мнению, летописец просто украсил свой текст перечнем Языческих Богов, взяв для него первые пришедшие на ум имена. По чести сказать, читатель, мне трудно как-то всерьез комментировать такие «теории», даже в тех случаях, когда их выдвигает весьма, в общем-то, почтенный историк Н.И. Костомаров. И совершенно непонятно, чем они отличаются от построений пресловутого академика Фоменко. Во-первых, уже говорилось, что монахи-летописцы испытывали мистический ужас перед любым упоминанием Языческих Богов («рекше бесы»). Это современный обыватель, не задумываясь, готов «украсить» стены своего обиталища омерзительными рожами кровожадных африканских или ацтекских кумиров — зачастую вместе с православными иконами. Но может, не надо обвинять в таком легкомыслии средневековых христиан? Если уж они упоминали ненавистных им «демонов» — так на то должен был быть серьезный повод. Кроме того, уже давно многие ученые подозревают, что в «Повесть временных лет» вошли более ранние летописные записи, в том числе — X века (это

уже во-вторых). Один пример — упоминая Свенельда, воеводу княгини Ольги (до этого — ее мужа Игоря Старого, а впоследствии — ее сына Святослава Храброго), летописец называет его отцом какого-то (или какой-то) Мистиши. Между тем загадочный (загадочная?) Мистиша более на страницах летописи не возникает, в отличие от своего отца. Что, кстати, и наводит меня на мысль, что Мистиша все же женщина — в те времена женщины нечасто появлялись на страницах летописей. Ну а то, что сообщение это переписано из источника, составленного при жизни Мистиши, понятно — иначе бы в таком пояснении не было бы смысла. А дети Свенельда были взрослыми в третьей четверти X века. И заставший Мистишу в живых летописец должен был своими глазами наблюдать капище 980 года — хотя скорее всего издали. Так что и возможность верно воспроизвести перечень стоявших на княжьем дворе кумиров у вставившего его записи в свой труд автора «Повести временных лет» была.

В XX веке многие идеи о «заимствовании» киевских Богов у иноплеменников канули в Лету. Так, были записаны на Украине и в Белоруссии предания и песни с упоминанием Перуна и Дажьбога — а значит, окончательно приказали долго жить фантазии века XIX о «недолговечных» и «не оставивших следа в народной культуре» кумирах. Были исследованы культы тюркских и финно-угорских племен, и никаких следов Семарьгла, Хорса и Мокоши в них не обнаружилось (как и еще одного заподозренного в финском происхождении русского Божества — Велеса, не вошедшего в ряд Богов на Киевском холме). Название мордовского племени «мокша», которое было единственным аргументом приписы-

вания единственной киевской Богини финнам, оказалось... «балто-славянского», как стыдливо выражаются лингвисты, происхождения. То есть в очередной раз оказалось, что заимствовали не русские, а у русских. Единственное неславянское влияние в именах киевских богов, какое только удалось обнаружить — точнее, с какой-то долей достоверности предположить, — было скифо-сарматское происхождение имен Хорс и Семарыгл. Но, поскольку к 980 году уже больше полутысячи лет никаких скифо-сарматских племен у русских границ (и вообще в природе) не наблюдалось, то о каком-то влиянии и заимствовании можно говорить разве что в сильно прошедшем времени. Даже такие, в общем-то, сочувствующие «критическим» и «объективистским» традициям исследователи, вроде М.А. Васильева, признают уже, что концепция «сборного» характера возведенного Владимиром капища «нуждается в пересмотре». Переводя с того галантно-куртуазного жаргона, на котором эти исследователи общаются с единомышленниками¹, на обычный человеческий язык — безнадежно устарела и не выдерживает более никакой критики.

В 1975 году киевские археологи Я.Е. Боровский, П.П. Толочко и В.А. Харламов совершили удивительное открытие, благодаря которому изучение киевского капища в самом буквальном смысле обрело фундамент — раскопанный по Владимирской улице Киева под домом №3 фундамент возведенного Владимиром

¹ С оппонентами (особенно из презренных «патриотов») они не стесняются. Контраст напоминает какую-нибудь светскую даму времен крепостного права, перешедшую из гостинной, где только что сюсюкала с «ма шер княжнѣ Мими» в людскую: «Манька, дура, на конюшню захотела?!»

святилища. Я бы рад сказать — «к величайшему смущению скептиков», да только написать такое — значило бы попросту обмануть Вас, читатель. Никакого — то есть совершенно! — смущения эти, скажем так, исследователи, не выказывают. А продолжают твердить: мол, неизвестно, святилище ли это, и то ли святилище, если святилище, и... в общем, дальнейшее изложение их «критики» сильно напоминало бы бессмертную репризу Романа Карцева и Петра Ильченко про кассира Сидорова. «Чем докажете? Паспорт? А вдруг он краденый? Фотография? Вырвали и вклеили свою. Подпись? Поддельная». Критика источников — вещь сугубо необходимая. Вот только между нею и паранойей (или издевательством — решайте сами, читатель, какое определение тут больше подходит) должна, по моему скромному мнению, быть какая-то грань. А особенно забавно смотрится такая вот «критика» в устах людей, которые без малейшего сомнения воспроизводят, скажем, доводы и выводы немецких ученых-норманнистов XVIII (!) столетия и их археологические «подтверждения», вроде громовых топорков, которые, неведь почему, принято называть «молотами Тора» и считать признаками проживания поблизости от места находки скандинавов. И это в то время, как сами археологи-норманнисты утверждают, что топорки из Восточной Европы находят ближайшее подобие отнюдь не в Скандинавии, а на славянском Рюгене (Рюане, Буяне русского фольклора, «острове Рус» арабских авторов).

Впрочем, читатель, оставим их наедине с их загадочной логикой и вернемся к открытию киевских археологов. Их находка обреталась в без малого двадцати метрах от стен каменного княжеского терема X века (по-

мните — «въне двора теремьного»?), параллельно его стенам. С виду это до крайности своеобразное сооружение напоминало вымощенный неровный прямоугольник, вытянутый с юга на север, метров десять длиной. На каждом углу вымостка образовывала круглые выступы (киевские археологи отчего-то назвали их «лепестками»; лично мне остается лишь позавидовать их фантазии — углядеть в диковинном сооружении что-то схожее с цветком мне как-то не по силам). «Лепестки» (примем это определение из уважения к первооткрывателям святилища) на западной стороне поменьше, на востоке — больше. Между этими последними выступает на восток самый большой, около двух метров в диаметре, «лепесток», в середине которого сохранились остатки огромного деревянного столба, что-то около метра, восьмидесяти сантиметров толщиной. От основной площади вымощенного прямоугольника яму из-под столба отделяет — словно бы предохраняя столб от обугливания — большая каменная плита. Рядом с загадочным сооружением находятся несколько ям — у северо-западного «лепестка» небольшая ямка неясного назначения (для возлияний?), за юго-восточным — большая и глубокая яма в три метра диаметром, наполненная углем и остатками костей домашних животных. Там же найден топор X века — а топор был одним из символов Перуна. Наконец, двумя метрами южнее юго-западного выступа «лепестка» обнаруживается ямка, заполненная обломками плоских кирпичей, так называемой плинфы, и щебнем. По ее краям — следы двенадцати жердей. Археологи датировали создание обнаруженного ими сооружения 971—988 годами.

Нет, я не спорю, читатель, при наличии фантазии

можно подыскать этому сооружению какое-нибудь другое объяснение. Ну, скажем, любил будущий креститель Руси посидеть летом на свежем воздухе под, скажем, деревом (остатки деревянного столба) под забором собственной резиденции и для этой цели специально велел вымостить под сенью ветвей площадку. Сидел там в теничке, кушал шашлыки — следы двенадцати жердей, продолжая фантазировать, можно принять за остатки мангалов — а объедки, ленясь ходить далеко, зарывал по соседству в яму. И в ту же яму как-то во хмелю (это ведь ему принадлежит бессмертное изречение «Руси есть веселие пити, не можем без того быти!») выкинул, не заметив, с костями, любимый боевой топор.

А можно прислушаться к наставлению мудрого английского монаха-доминиканца Уильяма Оккама, современника нашего Ивана Калиты, и не изобретать, насылая разум и здравый смысл, сущностей сверх необходимых. Именно так поступили открыватели фундамента загадочного сооружения, определив точную дату его создания как 980 год, а в самой находке опознав остатки возведенной Владимиром святыни Русских Богов. Именно так поступил крупнейший исследователь славянского Язычества XX века — Борис Александрович Рыбаков. И я охотно присоединяюсь к этим ученым, и именно это — а не всеразъедающий «алкагест»¹ скепсиса — «а если нет? а чем докажете?» — и не самоуспокоенную нирвану агностиков — «нельзя сказать ничего

¹ Средневековые алхимики называли так вещество, к счастью, столь же мифическое, как эликсир вечной молодости или философский камень, прикосновением превращающий в золото любые металлы. Зачем алхимикам потребовался растворяющий все, с чем соприкасался «универсальный растворитель» алкагест, я, откровенно говоря, не понимаю.

определенного... ничего нельзя утверждать» — считаю подходом, достойным истинных ученых. Потому что я — неколебимый приверженец старомодной точки зрения на задачи ученого. Они, по моему скромному мнению, заключаются в том, чтобы искать и находить — а не блюсти свой имидж в глазах замкнутого круга «посвященных» коллег. Стоит только услышать, с каким невыразимым презрением радетели собственной «научной репутации» роняют в адрес покойного Аполлона Григорьевича Кузьмина — он-де «нашел несколько Руссий по всей Европе» — а в голосе так и звучит: негодяй какой, *найти* чего-то там осмелился! Не обижать, подкрашивая и подновляя, мумии полуистлевших фантазий заезжих шлещеров и миллеров, как все «порядочные ученые», а НАЙТИ!!!

Вот этими чувствами, создается впечатление, и руководствуются иные «критики», налетая тучей на любую находку, на любое открытие, торопясь запихать науку о прошлом Руси назад — во времена аничковых, а то и глубже, в пропахшие пудрой и пылью кабинеты заезжих книжников галантного осьмнадцатого века.

Впрочем, опять же, оставим их и возвратимся к открытию киевских археологов и некоторым выводам, на которые оно сподвигло Бориса Александровича Рыбакова.

Во-первых, он достаточно убедительно сопоставил остатки деревянного столба с кумиром Перуна. Выступ «лепесток», в котором находилось основание деревянного столба, и по размерам, и по месту в композиции главенствовал над остальными. А это соответствует положению Громовержца в летописном перечне Богов, чьи кумиры Владимир утвердил за границей своего двора, и в прежних договорах с Восточной Римской Империей,

где из всех Богов перечня присутствует он один. В этом же перечне только у Громовержца особо отмечен материал кумира — дерево. Не было бы смысла подчеркивать этот материал, если б деревянными были и остальные кумиры. Б.А. Рыбаков обращает внимание на строки Первой псковской летописи: согласно ее рассказу, равноапостольный вероотступник «повеле кумиры испроврещи, а другия огневи предать». Исследователь из этого сообщения делает разумный и убедительный вывод, что наряду с кумирами из, так сказать, горючего материала (дерева), дружинникам князя-святотатца пришлось иметь дело с изваяниями, которые можно только ниспровергнуть. Тут на ум приходят две возможности — во-первых, это могли быть кумиры, отлитые из металла. В главной святыне славян-велетов, Радигоще-Ретре, на землях современной Восточной Германии, кумир Сварожича был отлит из золота. В другом городе славян немецкие «просветители» захватили медный кумир, который не в меру ученый монах-хронист Видукинд Корвейский по уже упоминавшейся привычке окрестил «Сатурном». Литой кумир бородатого Божества в шапке, с упертыми в бока руками, найден в Чехии (чешские легенды вообще полны упоминаний про отлитые из золота и серебра изваяния Богов и Богинь). Медный небольшой кумир не то трехликого, не то четырехликого Божества найден археологами в старой Рязани. Наконец, совсем недалеко от Киева, в Чернигове, в 1701 году, при строительстве соборной церкви Бориса и Глеба, из земли вырыли два Языческих истукана, отлитых из золота и украшенных драгоценными камнями. Руководивший строительством гетман приказал... отправить бесценную находку в Германию на переплавку, чтобы

отлить из них «царские врата» для нового собора. По дороге бесследно исчезли драгоценные камни, о чем гетману сообщить «позабыли» (оказывается, воровство — отнюдь не только русская черта). Вельможный заказчик не потрудился даже отдать распоряжение зарисовать праотеческую святыню.

Гетмана звали Иван Мазепа. Этот человек навлек на свой народ кровавые беды и бесчестье, его имя для сотен миллионов людей стало синонимом предательства, а сам он бесславно сгинул на чужбине.

Не проходит бесследно и безнаказанно надругательство над кумирами древних Богов.

Однако же трудно предположить, что дубовый истукан главного Бога украшали всего лишь серебряная голова (личина?) и золотые усы, в то время как вокруг блистали цельноотлитые кумиры. Кроме того, как-то с трудом соотносится громкое слово «ниспровергнуть», примененное псковскими летописцами к «негорючим» кумирам к по определению небольшим литым изваяниям. Поэтому Борис Александрович, даже не рассматривая версию о металлических идолах, говорит об окружении Перуна как о каменных истуканах. Тем паче что в Новгороде, когда Добрыня, тезка (а отнюдь не «прототип», как часто пишут) былинного богатыря, брат хазарской рабыни, матери Крестителя, Малки, громил и разорял славянские святыни, он «идолов сокруша: деревянни сожгоша, а каменнии изломав, в реку ввергоша». Округлые выступы-«лепестки» по углам фундамента киевского «святилища», по убедительному предположению Бориса Александровича, были как раз постаментами для каменных изваяний, которые, в отличие от деревянного (скорее всего дубового) Перуна не надо было врывать в землю.

И здесь опять надо вспомнить о наших неутомимых «критиках». Оказывается, по их мнению, у славян-де не могло быть каменных идолов. Вот так, ни много ни мало — не могло, и все тут. Во-первых, немецкие проповедники во время «испытания веры» Владимиром и «мученик»-варяг Феодор в 983 году восклицают: «Ваши Боги суть древо!» А во-вторых, говорят «скептики», и не могло быть каменных идолов у славян — не было же у них до крещения каменного зодчества!

«Постойте! — ошеломленно воскликнет, быть может, здесь начитанный в родной истории читатель. — А как же многочисленные каменные истуканы, найденные археологами? Как же знакомый каждому школьнику, потрудившемуся заглянуть в учебники по отечественной истории, знаменитый Збручский идол? Как же, наконец, прямые упоминания каменных идолов в источниках — от тех, что тут уже цитировали, до, скажем, каменного идола Велеса из жития Авраамия Ростовского, ниспровергнутого склонным к вандализму «святым»?»

А ничего не известно, начинают угрюмо бубнить «скептики», может, это и не идолы, а если и идолы, то наверняка не славянские, а каких-нибудь других народов, и неизвестно, стояли ли они на том месте, где их нашли, или их вообще откуда-нибудь привезли (я не шучу, читатель, нам на полном серьезе предлагают представить, что крещеные уже русичи из неведомых далей волокли под, скажем, Псков каменных истуканов)...

Да-да-да, читатель, тот самый метод «научной критики» от Карцева и Ильченко — и паспорт не ваш, и фотокарточка вклеена, и подпись поддельная... иногда диву даешься на взрослых, солидных ученых мужей. Ну ладно, с персонажем Ильченко все понятно — им дви-

жут темные страстишки мелкого человечка, волею судьбы или начальства угодившего на место, где от него что-то зависит, и наслаждающегося, мешая жить, делать свое дело другим. Но почтенных-то ученых что заставляет опускаться до его уровня?!

Первый «довод» ниспровергателей каменных кумиров Руси не говорит вообще ни о чем, кроме того, что на Руси были и деревянные кумиры — с чем, собственно, никто и не спорил. Деревянный кумир Перуна, возвышавшийся над остальными киевскими Богами, был выгодной мишенью для критики христианами, тем паче что Иоанна, сына варяга Феодора, собирались принести в жертву именно ему (история с выбором жертв произошла за неделю до 20 июля, позже ставшего днем «сменившего» Перуна на посту Громовержца Ильи-пророка). Наконец, дерево, материал куда более уязвимый и недолговечный, чем камень или металл, коли на то пошло, просто просилось на язык христианским обличителям «идолопоклонства» (словно бы позабывшим, что все их пламенные речи ничуть не в меньшей мере применимы к их собственным крестам, распятиям и иконам — их и будут применять к ним половцы в XII веке, комсомольцы — в XX, весело швыряя в огонь иконы, кресты, библии: «Чего ж ваш бог сам себе не помогает?!»).

Что до второго довода, то с ним попросту не знаешь, что и делать. Это очередной пример «аргумента», небедительного логически и основанного на не соответствующем истине заявлении. К X веку на Руси было как минимум два каменных сооружения — уже упоминавшийся каменный терем киевских князей и каменная крепость в Ладоге. А самое главное — ну какая связь между наличием каменного зодчества и изваяниями

из камня? Разве известны памятники каменной архитектуры у кочевников-скифов, половцев, туземцев острова Пасхи, например? Или авторам, выдвигающим подобные идеи, никогда не доводилось слышать о скифских и половецких каменных бабах? Об истуканах острова Пасхи, поразивших воображение Тура Хейердала? Так и хочется снова посоветовать очередному «чукче» сначала все же побыть «читателем», а уж потом браться за «научное» сочинительство. А ведь это пишут серьезные с виду люди, обремененные не только высшим образованием — но даже и научными степенями! И их с сочувствием цитируют, противопоставляя «фантазеру» и «патриоту» (и то и другое слово в лагере «объективных» ученых звучит как ругательство) Рыбакову.

На этом дело, увы, не заканчивается. Когда вопрос касается каменных кумиров, найденных под Псковом и Белоозером, «критики» — те же самые! — заявляют, что, мол, надо еще посмотреть, не принадлежат ли эти кумиры прежнему, неславянскому населению. Но под Псковом и Белоозером славянам предшествовали финские племена чуди (эстонцев) и веси (вепсов), у которых ни один источник не знает каменных изваяний, а первой каменной постройкой в их землях была все та же русская крепость Ладога! Игорь Яковлевич Фроянов отметил как-то, что в трудах историка может находиться три вида противоречий — противоречие фактам и источникам, противоречие логике и, наконец, противоречие самому себе. Здесь в наличии все три вида — и, право же, это уже в ведомстве другой науки, не истории и не археологии, а скорее, одной из отраслей медицины...

«Мы же на предстоящее возвратимся», как писали

древнерусские летописцы, когда им случалось отступить от темы.

Мое согласие с доводами киевских археологов и Б.А. Рыбакова объясняется и еще одним обстоятельством. Дело в материале, из которого сооружен фундамент святилища. Это щебень, обломки плинфы, фресок и «голосников» — сосудов-резонаторов, которые вмуровывали в стены средневековых церквей для лучшего звучания богоугодных песнопений. Основа Языческого святилища вымощена обломками святилища христианского. Иного объяснения столь «кощунственному» применению обломков христианского храма я, читатель, не вижу. Киевские исследователи и Рыбаков предположили, что перед нами останки церкви, разрушенной в 971 году по приказу последнего Языческого правителя Руси, великого государя и полководца, Святослава Храброго. Мне же, честно говоря, это кажется сомнительным — то есть, что Святослав, преданный братом-христианином (отсылаю читателя к моей книге «Святослав»), отдал такой приказ, у меня особых сомнений не вызывает. Но могли ли его выполнить в Киеве? Именно киевские христиане, по более чем правдоподобному предположению Л.Н. Гумилева, способствовали гибели Святослава от рук печенегов на порогах Днепра. В Киеве, после ухода самых рьяных сторонников древней веры с государем на Дунай, позиции последователей новой религии должны были укрепиться. Им сочувствовал даже сын погибшего государя — Ярополк, что, надо отметить, не снискало ему любви подданных и сильно облегчило захват киевского великокняжеского престола сыну рабыни, хазарскому полукровке Владимиру. Вот как раз он, ворвавшись в Киев после бегства брата, мог и разрушить в

угоду своим северным воинам и местным приверженцам исконных Родных Богов чужеродную молельню. И странно было бы, чтоб от гибели великого князя Святослава в 972 году до воздвижения святилища его сыном в 980 обломки церкви лежали бы, дожидаясь, пока их уместят под ноги изваяниям Древних Богов. Уж не знаю, как Вам, читатель, а по мне — так хозяйственные киевляне за восемь лет либо нашли бы им иное применение, либо утопили бы, от греха подальше — кто его знает, чего ждать от чужого и враждебного бога, да еще и разгневанного разрушением его храма.

Доказав беспочвенность сомнений скептиков, Рыбаков также подверг критическому рассмотрению старую версию о «сборном» характере киевского капища. Справедливо отметил, что отсутствие в нем множества почитаемых Богов (Рода, Велеса/Волоса, Лады, Лели и ряда других¹).

Но вот дальше как раз наступает самая слабая часть исследования Рыбаковым киевского капища. Отчасти тут не его вина — он всего лишь следовал по пути многих ученых, рассуждавших о «реформе Владимира», при этом пытаюсь обосновать причины подбора изваяний именно этих Божеств для святилища «вне двора теремного». Но все же в этой главе сильнее, пожалуй, чем в других частях его титанического труда, чувствуется, что ум пожилого ученого (к моменту выхода книги Рыбако-

¹ С дозволения читателя я не стану останавливаться на очередных «сомнениях» наших «объективных» и «критически настроенных» ученых мужей в отношении этих Божеств. Ничего особенно нового по сравнению с уже рассмотренными «методами научной критики» этих господ читатель не извлечет для себя, а к теме книги все это имеет весьма отдаленное отношение. Да и утомительно это, откровенно говоря.

ву исполнилось восемьдесят лет) начинает сдавать, утомившись более чем полувековым истовым служением Отечеству и Истории. Он путается в числе Богов и кумиров, говоря то о шести, то о пяти Киевских Божествах, то отказывает Семарьглу в кумире, со ссылкой на Срезневского утверждая, что кумирами называли лишь человекоподобные, антропоморфные изваяния (по мысли ученого, Семарьгл — птице-пес из скифо-сарматской мифологии), и видя в нем барельеф на кумире Макоши, то, словно позабыв об этом, называет ямку у северо-западного «лепестка» основанием идола загадочного Бога. Хорса и Дажьдбога он разделяет и сравнивает, соответственно, с Гелиосом, «Божеством солнечного диска», и Аполлоном — Божеством света. Пример на редкость неудачный — при переводе хроники Малалы древнерусский автор переводит именем «Дажьдбог» как раз греческое «Гелиос», а в другом источнике, по указанию того же И.И. Срезневского, Аполлона переводят как Хорса.

Сам набор Божеств, по мысли Рыбакова, представлял в одно и то же время и картину мира, космогонию, и... ответ славянских волхвов византийскому христианству. Предполагалось, что этим-то и объясняется отсутствие в капище «фаллического» Рода, косматого медведеподобного Велеса/Волоса. Они-де выставляли Язычество в невыгодном свете. Остальные же Боги, кроме главного, Перуна, были, по мысли Рыбакова, словно бы отражениями главных персонажей христианской мифологии: Стрибог, имя которого ученый истолковывает как «Бог-отец» или «Старший Бог» и отождествляет его носителя со Сварогом, соответствует, естественно, христианскому «богу-отцу» из троицы. Сын Сварога (со-

гласно Ипатьевской летописи) Дажьбог воспринимается Рыбаковым как Языческий вариант «бога-сына», Христа. Богородице соответствует Мокошь. Не хватает «святого духа», но этому, воплощавшемуся в виде голубя (Мат., 3, 16; Мар., 1, 10; Лук., 3, 22; Иоан., 1, 32), существу, вполне соответствовал бы птицеподобный Семарьгл. Хорсу же достается незавидная роль некоего «прибога» при Дажьбоге. Однако же непонятно, с чего победившие язычники стали бы стесняться того впечатления, которое бы могли-де произвести на христиан их древнейшие — а стало быть, в понятиях язычников, самые почтенные! — Боги. До позднесоветского, застойного «у нас ведь иностранцы бывают!!!» оставалась еще почти тысяча лет. Неясно, что могла бы дать язычникам перекройка их мифов по христианскому лекалу — удивляет это стремление, возникающее, как видим, даже у лучших ученых, приписать славянам-язычникам какой-то комплекс неполноценности перед «просвещенными» иноземцами. На самом деле это просто чуть более глубокая проработка давным-давно высказанной мысли, что Владимир тяготился-де «неразвитостью», «отсталостью» славянского Язычества и решил подправить его под «правильную» или «прогрессивную» веру.

И наконец — с кем хотели вести этот немой диспут киевские волхвы, кого боялись спугнуть жизнерадостной нескромностью Рода, космами Бога-оборотня, звериного хозяина Велеса? По моему скромному мнению, никакой самый чудовищный идол не отпугнул бы киевских и приезжих христиан от капища надежнее, чем его фундамент, вымощенный остатками разрушенной церкви, в том числе — осколками фресок, когда-то изображавших лица святых, богородицы, самого Христа. Нельзя же

допустить мысль о том, что в Киеве X века осталось незамеченным разрушение церкви или новое назначение ее обломков.

Кроме того, по мысли Б.А. Рыбакова, «новый русский пантеон был противопоставлен не только византийскому христианству, но и скандинавскому Язычеству, от которого не было взято ничего». Спрашивается — если не было взято ничего, то в чем же противопоставление? Как говаривал один герой Гилберта Кийта Честертона, «у них не было ничего общего, поэтому им было не о чем спорить». «В пантеоне нет ни малейших следов воздействия варягов, — продолжает ученый. — Более того, первое сообщение о жертвах Перуну говорит, что именно варяг был обречен в жертву славянскому Богу... Ни одно из имен славянских Божеств (как вошедших в пантеон, так и не вошедших в него) не находит аналогии ни в скандинавской, ни в германской мифологии: Водан-Один, Тор-Донар, Фрейр-Фрейя и др. неизвестны славянской мифологии и фольклору». Все это отголоски той странной «борьбы» с норманнской теорией, которую Борис Александрович и его сподвижники, ученики Б.Д. Грекова, вели еще с сороковых годов XX века. Странной эта «борьба» выглядит потому, что взгляды «борцов» едва ли не один к одному повторяли взгляды... столпа норманизма XIX столетия М.П. Погодина. Да никем, кроме как норманистами, советские ученые из высшей академической элиты просто не могли быть. Ибо норманистом, законченным, последовательным норманистом был не кто иной, как Карл Маркс — а открытое несогласие с основоположником «всесильного, потому что верного» учения в советской науке означало политическую смерть и выпадение из научной деятель-

ности. Изгнанника не приняли бы и на Западе — там охотно распахивали объятия лишь тем «объективным» ученым, которые повторяли за шведскими националистами XVII века и немецкими учеными XVIII века нехитрую схему: «Варяги — это скандинавы, русь — это шведы, Рюрик и его потомки — норманны, древняя Русь — это Скандославия, или Восточно-Европейская Нормандия — как угодно тому, кто дает гранты». Между тем, даже если позабыть, что летопись ясно говорит о варяжском происхождении жителей города Новгорода (кажется, никто не заподозрил викинга в Садко или Буслае?) и располагает Варяжское Поморье «в Кашубах, за Гданьском»; саги отличают варягов-верингов от норманнов и сообщают, что первый норманн, поступивший на службу к императору Константинополя, Болле Боллесон (1021 год) застал там сложившуюся дружину верингов; восточные источники называют варягов-варангов «саклиб ас-сакалиба» — «славяне славян»; а западные авторы именуют варягов-варангов на службе византийского императора «вандалами», как в те времена называли отнюдь не скандинавов и не норманнов, а жителей южного, славянского берега Балтики, то куда, спрашивается, девать то обстоятельство, что среди Богов на капище Владимир, захвативший власть с войском из варяжских наемников и «людия новгородского от рода варяжска», не поставил ни Одина, ни Тора, ни Фрейю?! Как отметил покойный ныне ученый и патриот Аполлон Григорьевич Кузьмин, одного этого достаточно, чтобы усомниться в норманнской теории — как в ее советской, легкой, так и в нынешней (она же трехсотлетней давности), тяжелой форме.

Защитники норманнизма — как ни странно, это те

же люди, что проявляют столько скепсиса в отношении славянских Богов, на свои построения его уже, очевидно, им попросту не хватает — заявляют, что все могут объяснить. Мол-де скандинавы везде проявляли терпимость к местным культам. Хочется полюбопытствовать — ну и что? Между терпимостью к чужому и отказом от своего разница есть, и не маленькая, а скандинавские викинги — это все же не советские интеллигенты, чтобы не понимать столь элементарных вещей. Да и где она проявлялась, эта терпимость? Когда норманны грабили христианские церкви на Западе, капища финских племен Биармии на Востоке, мечети в мавританской Испании? Когда молодой язычник Олаф Трюггвассон в Хольмгарде-Новгороде отказался идти вслед за конунгом Вальдемаром (Владимиром, будущим Крестителем — кстати, и самому Олафу предстояло крестить родную Норвегию) в его храм — «Боги, которым ты кланяешься — темные Боги, и я не хочу им кланяться»? В викингах Дублина, превративших городской собор в капище Черного Тора? В норманнах Лейва Счастливого, по ту сторону Атлантики, в далеком Винланде-Ньюфаундленде, почитавших жертвами Тора и Фрейю?

Что до крещеных викингов на службе христианских королей Европы, то из этого ровно в той же степени следует терпимость скандинавов, как из принявших ислам европейских адмиралов на службе султана Сиятельной Порты следует терпимость современников святой инквизиции, Варфоломеевской ночи и Тридцатилетней войны. Больше того, крещеные викинги умудрились занести своих Богов и полубогов в христианскую Европу. С капители колонны в церкви Грейт-Канфилл смотрит Один в окружении своих воронов, он же грозно глядит

единственным глазом со стены церкви в Кенигслуттере, на стене испанского (!) собора в Сангуесе Сигурд герой-язычник убивает дракона Фафнира и кузнеца-колдуна гнома Регина. И это там, где норманны были вассалами, по сути, служилыми инородцами. Они не давали своего имени государствам, не основывали королевских самовластных династий, не строили городов. Собственно, за пределами родного края — в котором они, впрочем, тоже в градостроительстве не усердствовали — норманны предпочитали города жечь, на худой (с их, конечно, точки зрения) конец — захватывать и грабить.

Один из самых ярких норманистов нашего времени, Л.С. Клейн, сочинил в доказательство пресловутой терпимости скандинавов целую историю — мол, скандинавы в каждой стране поклонялись ее Богам, а изображения своих Богов, подходя к берегу, снимали с носа корабля. Ну, как скандинавы «почитали» Богов тех земель, которые посещали, я уже описал. Как говорится, врагам нашим с вами, читатель, такое «почтение». Снять же изображения Богов с носа корабля было бы им немного затруднительно — потому как изображений этих там никогда не бывало. На носу укрепляли «обереги» — изображения чудовищ и хищников, долженствующих отпугивать морских и чужеземных демонов. Подходя к берегу с мирными намерениями — и только в этом случае! — оскаленный «оберег» снимали. Ни одна из этих звериных морд никогда не имела ничего общего с вполне человекообразными Богами-Асами скандинавской религии. Никакими сносками господин Клейн свое сообщение про фигуры Богов на носках норманнских драккаров не подтверждает, значит, это его собственное изобретение. Как сказал бы булгаковский Коровьев: